

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ, АНДРЕЙ КОВАЛЕНКО

Геополитика восточноевропейских «крайне правых»

Восточноевропейская геополитика: предыстория

Наряду с «право-консервативной» волной и нарастанием евроскептицистских настроений в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) предпринимаются попытки сформулировать собственно «политический ответ» на вызовы современности. В данном случае, на наш взгляд, следует говорить не о возобладавшем «антиевропеизме», а о своеобразном «альтеревропеизме» — то есть о попытке стран ЦВЕ вернуться к «исконным европейским ценностям», к числу которых относятся национальная государственность, христианская религия, традиционные мораль и трудовая этика. Заявляя о себе и своих интересах, Восточная Европа хочет быть услышанной в Брюсселе и других столицах Старой Европы.

Одной из форм «национального ответа» восточноевропейских стран на современный общеевропейский кризис стало выдвижение собственных геополитических проектов. В них выразилось стремление многих из этих стран компенсировать свою «вторичность» и заполнить идеологический и политический «вакуум», возникший

вследствие кризиса уже самого «общеевропейского проекта» и его оснований, усугубленного современными социально-экономическими трудностями последних лет.

Между тем острота «вызовов» для стран ЦВЕ, связанных с процессами глобализации и самой европейской интеграции, становится все более очевидной. Среди последних — активно протекающие сегодня миграционные процессы, ослабление национальных государств и «размывание» «устоявшихся» национальных идентичностей, проблема национальных меньшинств и экспансия регионов¹, подкрепленные банкротством финансово-экономических механизмов и общеевропейской модели социальной политики. Способны ли восточноевропейские нации и их элиты отреагировать на современные «вызовы» выработкой конструктивных геополитических проектов? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать имеющийся на сегодня опыт «геополитического по-

¹ См.: **P. Hillard**. Minorités et régionalismes dans l'Europe fédérale des régions. Paris, 2004; **B. Kohler-Koch**. Regionen als Handlungseinheiten in der europäischen Politik. — «WeltTrends». 1996. № 11.

БИРЮКОВ Сергей Владимирович — профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета, доктор политических наук.
КОВАЛЕНКО Андрей Алексеевич — аспирант социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

зиционирования» восточноевропейских государств.

Следует помнить, что Восточная Европа — это единство судьбы, истории, менталитета и традиций, особое геополитическое пространство, волею судеб так и не обретшее свою геополитическую субъектность. Это обстоятельство отмечали многие восточноевропейские интеллектуалы. «Что такое Средняя Европа? — спрашивает чех М. Кундера. — Зона находящихся между Германией и Россией малых наций... Малая — это такая нация, существование которой в любой момент может зависнуть на волоске, которая может исчезнуть и знает это. Французы, русские и англичане не задают себе вопроса, уцелеет ли их нация. Средняя Европа, отчизна малых наций, создала собственное мировоззрение, основанное на глубоком недоверии к истории. Богиня истории Гегеля и Маркса... — это история победителей. А нации Средней Европы не победительницы. Неотделимые от истории всей Европы и не могущие без нее жить, они, жертвы и аутсайдеры, стали словно оборотной стороной этой истории. Оригинальность и мудрость их культур вытекает из полного разочарований исторического опыта»².

Вышеперечисленные обстоятельства предопределили сложность и противоречивость исканий восточноевропейских геополитиков. Своеобразной интеллектуальной провокацией для «восточноевропейской геополитики» явилась нашумевшая в свое время книга Ф. Науманна «Срединная Европа» (1915). Написанная видным политическим публицистом и депутатом германского рейхстага, книга была посвящена обоснованию стабилизирующей и доминирующей

роли Германии в рамках обозначенного им пространства «Срединной» (Центральной) Европы. Проект Науманна предполагал объединение рейха с Австро-Венгерской монархией и последующим присоединением к этому «ядру» всех восточно- и центрально-европейских государств. Согласно ему, следовало «мыслить это пространство как некоторое целое, как составленный из многих членов братский союз, как оборонный союз, как экономическую область»³. Наряду с привлекательностью идеи Центральной Европы как самодостаточного «большого пространства» восточноевропейских мыслителей в проекте Науманна смущала идея «мягкой ассимиляции» в его рамках восточноевропейских наций.

Вызовом для Восточной Европы являлась и «классическая» немецкая геополитика начала XX века, признававшая за Центральной и Восточной Европой известное своеобразие, но при этом рассматривавшая сами восточноевропейские государства в качестве «бесконечно малых величин»⁴. Из этого вытекала необходимость подчинения восточноевропейских народов имперским нациям, призванным создать вокруг себя «большие пространства», состоящие из малых государств⁵. В итоге и сама продуктивная идея Восточной Европы как единого «большого пространства» оказалась на долгие годы под сомнением.

Собственно, «восточноевропейская геополитика» и представляет собой ответ на попытку подобного «растворения себя» в рамках некоего условного «большого пространства» под эгидой Германии или России. При

² М. Кундера. Трагедия Центральной Европы. — www.proza.ru/2005/12/16-142

³ F. Naumann. Mitteleuropa. Berlin, 1915. S. 3.

⁴ См. F. Ebeling. Geopolitik. Karl Haushofer und seine Raumwissenschaft 1919–1945. Berlin, 1994. S. 147.

⁵ См. M. Schmökel. Die Grossraumtheorie. Berlin, 1994. S. 188–189.

этом надежды на Австро-Венгрию с точки зрения возможности преобразования ее имперской структуры в более гибкую и плюралистическую модель устройства рассеялись достаточно быстро. По мнению М. Кундеры, в начале XX века у Австро-Венгерской империи «была уникальная возможность сделать из Центральной Европы единое сильное государство. Но, увы, высоколобый германский национализм не позволил австрийцам выполнить их центрально-европейскую миссию. Они не смогли создать федерацию равноправных наций, и этот их провал стал бедой для всей Европы»⁶. После этого объединительная «миссия» перешла к самим странам Восточной Европы — с сохранением известной ориентации на Вену как исторический и культурный центр для народов, регионов, этнических групп и городов ЦВЕ⁷.

Отныне для восточноевропейских мыслителей речь шла о сохранении странами ЦВЕ своего самобытного лица и об обретении своего «особого места» в рамках «общевропейского пространства»; ими были заявлены два основных подхода к решению этой задачи. В рамках первого геополитическая мысль Восточной Европы вдохновлялась идеей макрорегиональных «больших пространств», или «пан-регионов» (под которыми мыслилась вся Восточная Европа либо те или иные ее сегменты), а в рамках второго — стремлением определить рамки «жизненного пространства», необходимого для выживания определенного восточноевропейского этноса с сохранением его «исторической государственности», языка и культуры.

⁶ **M. Kundera.** What is Central Europe? — «The New York Review of Books». 1984. Vol. 31. № 7. April 26. P. 7.

⁷ См. **A. Wolff-Poweska.** Mitteleuropa — Das gelobte land? — «Deutsche Studien». 1988. № 103.

В качестве яркого примера альтернативного панъевропеизму подхода в русле теории «больших пространств» можно назвать идеи польского историка национально-демократического толка Станислава Буковецкого, который в период между Первой и Второй мировыми войнами провозглашал задачей создание федерации «малых» государств, расположенных на пространстве от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Пелопонесса⁸.

Эпоха Второй мировой войны сделала любые дискуссии о создании «срединно-европейского» альянса «малых» государств неактуальными, а послевоенный раздел Европы по «блоковому» принципу окончательно «маргинализировал» эту проблематику. Либерализация второй половины 1950-х годов в западной части Европы и подъем национального самосознания в странах ЦВЕ в 1960—1970-е годы стимулировали возрождение интереса к проблематике «Срединной Европы».

Падение «железного занавеса» и демонтаж коммунистических режимов в странах ЦВЕ вкупе со стремительным вступлением стран ЦВЕ в ЕС и НАТО на время увеличили проблематику «альтернативной геополитики» на второй план. Однако неоднозначные результаты реформ в восточноевропейских странах и углубляющийся кризис в рамках Евросоюза снова сделали ее актуальной. В итоге наряду с нарастанием евроскептицистских настроений обрели свое второе рождение и ряд прежних геополитических проектов. Современным проявлением идеи восточноевропейского «геополитического единства» является деятельность Вышеградской группы (Польша, Чехия, Венгрия и

⁸ См. **S. Bukowiecki.** Polityka Polski niedpodleglej. Warszawa, 1922. S. 70.

Словакия), стремящейся сформулировать альтернативу магистральным направлениям политики Брюсселя. Выступая против создания «федеративной Европы» и принятой недавно Евросоюзом «политики экономии» и бюджетных ограничений, участники группы требуют включения стран ЦВЕ в процесс обсуждения будущего экономического и монетарного союза Европы.

Одновременно обретают «новую жизнь» и геополитические проекты, предполагающие создание отдельными странами ЦВЕ собственного варианта «большого пространства». Наиболее заметно подобные «геополитические искания» представлены в польском, венгерском и румынском политических дискурсах. Речь идет о ставших сегодня вновь актуальными проектах создания «Великой Польши», «Великой Румынии» и «Великой Венгрии».

Венгерский и румынский проекты представляют собой своеобразную версию «регионального ирредентизма» для ряда территорий сопредельных государств с включением части этих территорий в собственное «большое пространство». Польские геостратеги пытаются распространять свое влияние на сопредельные государства через культурно-политическую «soft power» и широкий альянс с *de jure* суверенными государствами (примером этого является идея «покровительства» Польши Украине и Беларуси под эгидой ЕС). И если первоначально подобные идеи в упомянутых странах поддерживали находившиеся на «маргинальном» положении крайне правые политические объединения, то с начала 2000-х годов их стали постепенно брать на вооружение вполне «системные» политические силы, и прежде всего действующие «партии власти» и возглавляющие их лидеры, стремивши-

ся опереться на растущие правоконсервативные и евроскептицистские настроения избирателей своих стран. В результате воспроизводится идейно-политическая ситуация, имевшая место в странах ЦВЕ в 1920-е годы, когда восточноевропейские народы стремились «достроить» свои нации посредством расширения «жизненного пространства» и экспансии на родственные в этническом и культурно-языковом отношении территории соседних государств.

Одной из ключевых предпосылок версий «радикальной геополитики», возникающих в странах ЦВЕ, является восточноевропейский национализм. Безусловно, национализм — один из бесспорных соавторов современной эпохи, *common sense* исторического модерна. В начале XX века «принцип национальности» стал решающим не только и не столько в перекройке территориальных границ старого имперского миропорядка, сколько в ревизии его социальных, сословных границ. В то же время, признавая за восточноевропейским национализмом XIX—XX веков известный модернизационный потенциал, следует отметить и присущие ему «родовые черты», напротив, препятствующие процессу национальной модернизации.

Одной из таких черт, по мнению некоторых исследователей, является «экзистенциальный страх». Данный феномен достаточно давно описан историками этнополитических процессов, в том числе такими классиками, как венгерский политолог и публицист И. Бибо (1911—1979). Будучи идеологом леволиберального направления и активнейшим полемистом, он первым написал о комплексах, снedaющих восточноевро-

⁹ См. И. Бибо. О смысле европейского самознания и другие работы. М., 2004.

пейское самосознание⁹. Развил идеи Бибо российский исследователь феномена «постсоветского национализма» А. Миллер. Анализируя одну из базовых работ Бибо, Миллер выделил «особую психологическую черту» народов Восточной Европы — «экзистенциальный страх, переживаемый на коллективном уровне, страх перед реальной или воображаемой угрозой гибели национальной общности... Этот страх был связан сперва с турками, позже с немцами, в некоторых случаях с поляками, позднее с Россией. <...> Последние полвека был сконцентрирован на СССР и перенесен после 1991 года на современную Россию»¹⁰. При этом восточноевропейские народы сами оказались заложниками выбора в пользу создания «малых национальных государств», который в итоге предопределил их геополитическую уязвимость.

В свою очередь, путь к национализму и квазиимперским притязаниям в странах ЦВЕ был предопределен особенностями их модернизации. Американский социолог и историк Б. Мур в книге «Социальное происхождение диктатуры и демократии» (1966) исследовал соотношение феноменов модернизации и авторитаризма в XX веке¹¹. Им выделены три возможных пути движения различных наций к обществу модерна: демократический и капиталистический — революция «снизу», основанная на союзе буржуазии, крестьянства и знати против крупных землевладельцев и на коммерциализации сельского хозяйства и возникновении мощных буржуазных интересов, что приводит к буржуазной революции и установлению капиталистической демократии (Ан-

глия, Франция, Соединенные Штаты); ведущий в конечном счете к фашизму — революция «сверху», где буржуазный стимул был гораздо слабее, а модернизация вынуждала традиционную правящую группу, поддержанную сильной политической властью, прибегать к репрессивным формам организации труда в сельском хозяйстве (Германия, Япония); ведущий к коммунистической революции, где ни коммерциализация сельского хозяйства, ни обращение традиционных правящих групп к репрессивным методам труда не доказали своей эффективности перед лицом крестьянской солидарности (Россия, Китай).

Решающее значение для развития общества в направлении демократии, по мнению Мура, имел «буржуазный импульс», генерирование которого было невозможно без сильной буржуазии («без буржуазии нет демократии»¹²). Страны Восточной Европы в соответствии с этой классификацией реализовали второй тип модернизации, и в силу слабости «буржуазного импульса» их развитие в первой четверти XX века привело не к становлению демократии, а к возникновению той или иной версии авторитарно-консервативного режима, в некоторых случаях близкого к фашизму. Альянс консервативной государственной бюрократии, крупного капитала и обуржуазившегося дворянства (знаменитый «комплекс джентри») привел именно к такому результату. Консолидирующей идеей для восточноевропейских наций стала не идея гражданственности, а национализм.

Своеобразным «триггером» восточноевропейского национализма явилась Первая мировая война, освободившая восточноевропейские страны от обломков империй и ос-

¹⁰ А. Миллер. Империя Романовых и национализм. М., 2008. С. 10.

¹¹ См. В. Moore. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966.

¹² *Ibid.* P. 418.

тавившая их один на один с масштабными политическими вызовами, ответом на которые и стал выбор «национально-консервативного» пути развития. Война разрушила «универсалистский» проект Австро-Венгерской империи, открыв путь восточноевропейскому национализму как единственно возможному основанию новых национальных государств. В результате именно авторитарно-консервативные режимы установились на месте полуфеодальных, полукапиталистических, квазипарламентских монархий пережившей «геополитическое крушение» Центральной Европы.

Последнее стало своеобразной «политической платой» за сдерживание «русского большевизма» и «революционной волны» начала XX века в самой Европе. Система послевоенного урегулирования в Европе, основанная на идеях В. Вильсона и направленная на противодействие влиянию русской революции, не смогла в итоге создать жизнеспособную альтернативу авторитарному национализму «справа».

Вот как писал о генезисе и социально-классовой подоплеке «восточноевропейского национализма» известный британский исследователь этого явления Э. Хобсбаум: «Национализм в этих некогда независимых государствах воюющей Европы постепенно восторжествовал, поскольку движения, которые в своих интересах обращались с призывами ко всем угнетенным Европы, потерпели поражение. Как следствие, у низших и средних классов угнетенных наций появилась возможность стать элитой новых независимых “вильсоновских” “малых государств”... Именно там национализм отпраздновал свое второе рождение не как слабый суррогат социальной революции, но как мобилизация бывших офицеров и гражданских лиц из средних и низших

“слоев” для контрреволюции. Именно он создал питательную почву для фашизма»¹³.

В результате для восточноевропейских наций в начале XX века национализм выступил как средство структурирования социального пространства «в национальных категориях». В практике стран ЦВЕ в первой трети XX века утвердилось понимание легитимности государства и государственной власти через консолидированную на основе общей культуры и истории этнонацию¹⁴, претендующую на свое «особое место в истории». В итоге процесс «нациестроительства» в странах ЦВЕ в первые два десятилетия XX века создал предпосылки для «праворадикальной геополитики» с заявлением амбициозных проектов и территориальных претензий.

Сегодня история повторяется. Неудачи в процессе «демократического транзита» вызывают к жизни правоконсервативные проекты начала XX века¹⁵. Набирающие популярность крайне правые партии стран ЦВЕ возрождают «традиционное» толкование «народности», которая понимается ими в следующих основных значениях:

- «гомогенная» этническая общность, положенная в основу этнонации;
- этнолингвистическая общность, формирующая единое «культурное пространство»;
- «сообщество судьбы», предполагающее наличие общей миссии (в том числе геополитической);

¹³ E. Hobsbaum. Nationen und Nationalismus. Mythos und Realität seit 1780. München, 1998. S. 153.

¹⁴ См. S. Riedel. Die Politisierung von Ethnizität in Transformationsgesellschaften. Das Beispiel Südosteuropa. — «WeltTrends». 2003. № 38. S. 61.

¹⁵ См. G. Simon. Aufbruch im Osten Europas: Chancen für Demokratie und Marktwirtschaft nach dem Zerfall des Kommunismus. München; Wien, 1993. S. 19.

— «политический организм», связанный общими символами, верность которым обеспечивает историческую преемственность и единство нации.

Благодаря этому «нация» в понимании восточноевропейских «крайне правых» не связывается однозначно с понятием государственной границы. Она, напротив, связывается ими с территорией, которая выступает как собственный вариант «большого пространства» или «жизненного пространства»; в рамках последнего реализуются «творческие (жизненные) силы нации», осуществляются ее «призвание» и «судьба». Одновременно оно выступает и как своего рода «большое пространство», в рамках которого должно быть создано этнокультурно и этнолингвистически однородное сообщество. Проект «малой гомогенной квазиимперии», таким образом, стал своеобразным национальным «ответом» как на прежние неудачи в попытках «государственного самоутверждения», так и на происходящее ослабление роли государств в условиях глобализации и европейской интеграции.

В итоге геополитика «малых имперских проектов» для стран ЦВЕ является логическим завершением процесса восстановления «единства исторической нации», без чего этот процесс не станет принципиально завершенным, а многочисленные «разрывы» в ходе национальной истории не будут преодолены. «Сообщество судьбы», считающее условными утвержденные в результате двух мировых войн государственные границы и желающее расширить свое «жизненное пространство», неизбежно нуждается в территориальной экспансии. Подобные устремления все более явно бросают вызов проекту «Единой Европы» и общеевропейским ценностям. Проявление выделенных выше закономерностей отчетливо просле-

живается, в частности, на примере геополитического проекта «Великая Венгрия», оказывающего все более заметное влияние на ситуацию в этой стране и в соседних с ней государствах ЦВЕ.

Проект «Великая Венгрия»

История Венгрии и ее государственности на протяжении длительного периода времени была неразрывно связана с Австро-Венгрией. В ней мадьяры наряду с немцами и отчасти евреями являлись привилегированными нациями. Все изменилось после крушения империи в 1918 году, когда Венгрия осталась «наедине с собой».

Сама же попытка построить собственно венгерское национальное государство привела в итоге к трагическим результатам. Обретя независимость в результате Первой мировой войны, Венгрия была наказана как член потерпевшей поражение «коалиции» и пережила шок от кратковременного существования Венгерской Советской Республики; все это спровоцировало резкий рост правоконсервативных и праворадикальных настроений. Настоящая геополитическая катастрофа и унижение были связаны для нее с Трианонским мирным договором от 4 июня 1920 года. В нем была зафиксирована потеря Венгрией Трансильвании, Словакии, Хорватии, Бургенланда, Баната и Подкарпатской Руси. Это означало утрату двух третей территории и 3 миллионов населения и было воспринято в Венгрии как национальная трагедия.

Как следствие — установление режима М. Хорти после падения Венгерской Советской Республики 1919 года имело глубочайший антикоммунистический, антисоветский подтекст и было связано со стремлением любой ценой осуществить пересмотр

границ, установленных Трианонским договором. Комплекс «джентри», на который опиралась политика режима Хорти, сложился в австро-венгерскую эпоху под влиянием «имперской идеи» и содержал в себе следующие политические «установки»:

— приверженность венгерского «бюрократического дворянства» имперской традиции, главным носителем и бенефициантом которой оно является¹⁶;

— стремление обеспечить единство элиты и народа, преодолеть существующий раскол между «городом» и «деревней» в рамках проекта «корпоративного государства»;

— квазифеодальный, по сути анти-модернистский, политический идеал, прикрывающийся идеей защиты «национального величия» и «исторического единства нации»;

— враждебность к социалистической и либеральной идеологии как к течениям, разрушающим «национальное единство».

Внешнеполитическим продолжением этой модели «политического порядка» стала идея «Великой Венгрии», предполагавшая воссоединение утраченных территорий. Как следствие, реваншизм стал одной из основных черт внешней политики времен Хорти. В итоге «великовенгерской» идеологии постепенно был придан официальный статус. Поддерживали идею «Великой Венгрии» и «доктринальные» венгерские фашисты из объединения «Скрещенные стрелы» (Nyilaskereszt), возглавляемого Ф. Салаши.

Для реализации этого плана Будапешту требовался влиятельный «внешнеполитический патрон», который

нашелся в лице нацистской Германии. Именно А. Гитлер прибегнул к обещанию вернуть утраченные территории, пересмотрев условия Трианонского договора. При активной поддержке Германии в 1938—1940 годах договор был пересмотрен; приняты Венские арбитражи, по которым Венгрия вернула себе часть утраченных земель — север Трансильвании, юг Словакии и Закарпатскую Украину. В 1941 году в состав Венгрии вошла часть захваченной Германией Югославии (Воеводина).

Геополитическая «плата» за подобную поддержку оказалась более чем значительной. Активное вовлечение режима Хорти в планы Третьего рейха в итоге привело к оккупации Венгрии фашистскими войсками на завершающей фазе войны, а также к колоссальным разрушениям и потерям. Около 400 тысяч венгров погибли, было уничтожено 40 процентов имущества и четыре пятых национального дохода к уровню 1938 года¹⁷. Венгрия потеряла территории, приобретенные в 1938—1940 годах, вернувшись к границам, определенным Трианонским договором. Наряду с тяжелейшим военно-политическим поражением, в стране был установлен коммунистический режим, действовавший вразрез с много лет культивировавшимися «традиционными ценностями», что создавало почву для социального взрыва и новой стадии «геополитического реваншизма».

События осени 1956 года, когда произошло массовое выступление различных слоев венгерского общества против сталинистского режима М. Ракоши, а равно и их жестокое подавление стали тяжелой травмой для национального самосознания. В то же время плюралистический и сравни-

¹⁶ См. **V. Karady**. La conversion socio-professionnelle des élites: deux cas historiques en Hongrie. — «Les élites: formation, reconversion, internationalization». Paris; Stockholm, 1997.

¹⁷ См. **J. K. Hönsch**. Geschichte Ungarns 1867—1983. Stuttgart, 1984. S. 157.

тельно мягкий характер политической системы Венгрии при Я. Кадаре создал предпосылки для относительно мирного перехода к парламентской демократии и рыночной экономике. Однако неудачи венгерских «системных правых» и «системных левых» в процессе социально-экономической модернизации создали предпосылки для резкого сдвига венгерской политики «вправо» к середине 2000-х годов.

Рассуждая об этой проблеме, венгерский публицист Петер Надаш пришел к выводу о том, что Венгрия утратила свою демократическую традицию, и попытка ее третьей модернизации потерпела неудачу, что завело общество «в регрессивную фазу»¹⁸. Последнее неизбежно означало возврат к традиционным «правоконсервативным» идеологемам. Все это стимулировало «геополитическое воображение» и геополитический реваншизм, способствуя высокой степени политизации вопроса о судьбе соотечественников, живущих за пределами границ Венгрии.

Этот вопрос время от времени дискутировался политиками в 1990—2000-х годах, причем как всерьез, так и в популистских целях. За пределами официальных границ страны сегодня остаются значительные национальные венгерские меньшинства (секеи в Румынии, Словакии, Австрии, Воеводине, на Украине — в основном в Закарпатье). Вопрос о предоставлении избирательного права зарубежным венграм чувствительно затрагивает интересы соседних с Венгрией стран. Здесь стоило бы отметить, что для Будапешта характерно завышение данных по венграм в диаспоре: в частности, принято считать, что в Румынии живет до 2,5 миллиона граждан венгерского происхождения (румыны

приводят данные в 1,7 миллиона)¹⁹. Для Закарпатья цифра достигает 400 тысяч венгров, зато по украинским данным — лишь 150 тысяч²⁰. В Словакии венгры насчитали до 600 тысяч соотечественников, хотя, согласно официальным словацким данным, в 2001 году их насчитывалось в стране 520 тысяч 528 человек, или 9,7 процента населения²¹. Подобные претензии порождают геополитические претензии и реанимируют один из ключевых восточноевропейских проектов в русле «праворадикальной геополитики» — проект «Великая Венгрия».

В современной ситуации проект воссоздания «Великой Венгрии» поддерживают такая крайне националистическая организация, как Венгерская партия справедливости и жизни (Magyar Igazság és Élet Pártja — МІЭР) скандально известного писателя и драматурга И. Чурки, равно как и «евроскептики» из активно использующей антицыганскую, антисемитскую и антииммигрантскую риторику партии «За лучшую Венгрию» («Йоббик»), сумевшей добиться в 2010 году представительства в венгерском парламенте²². Партия Чурки имеет немалый вес в венгерской политике. Ей свойственен сильный национал-реваншистский характер: она выступает за возвращение Венгрии земель, принадлежавших ей до Второй мировой войны.

Наращение подобных настроений поэтапно находило свое отражение в деятельности венгерской власти. Примером подобного рода является венгерское законодательство о ста-

¹⁹ См. www.insse.ro/cms/files/RPL2002INS/vol1/tabele/t51a.pdf

²⁰ См. <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/zakarpattia>

²¹ См. www.hhrf.org

²² См. **В. Мальцев**. Возвращение «Венгерской гвардии». — «Независимая газета», 21.04.2010.

¹⁸ См. «Eletes Prodalom», 28.12.2011.

тусе. С начала 2002 года Будапешт объявил немалое число румынских, словацких и югославских граждан, для которых родным языком является венгерский, принадлежащими к «зарубежной части» венгерской нации. В противоположность официальным декларациям венгерское правительство, таким образом, способствует дестабилизации Средней и Южной Европы²³. Следуя этому тренду, Венгрия начала раздачу национальных паспортов венграм, проживающим в соседних Словакии, Румынии, Сербии и на Украине. В результате появилась масса людей, которых Будапешт в случае необходимости должен будет защищать, что может означать и территориальные претензии к соседним государствам.

Примечательно, что активность в отношении «зарубежного венгерства» не ослабевала и при изменении «партийного состава» правительственных кабинетов Венгрии. Весьма активно проявили себя в обсуждении проблематики и демократические партии, стоявшие у истоков «посткоммунистической Венгрии». Характерен в этом отношении пример Венгерского демократического форума, добившегося в 1990 году большинства в две трети голосов в парламенте, что позволило Й. Анталлу создать правительство. При проведении реформ правительство стремилось совместить решение социально-экономических вопросов с национальными. Примечательно, что тот же Анталл называл себя «премьер-министром 15 миллионов венгров», что вызвало возмущение в соседних странах. Разделение в рамках венгерского политикума осуществлялось не только по линии «коммунизм — антикоммунизм», но

также по традиционным для Венгрии линиям разделения между городом и деревней, центром и периферией.

Интегральный национализм в этой ситуации выступал как способ «снять» указанные выше противоречия. При этом наряду с «доктринальными» «праворадикалами» типа «Йоббика» в одного из адептов «великовенгерской идеи» превратилась стремительно набравшая популярность партия «Фидес»²⁴. В. Орбана, которая за годы его лидерства совершила очевидный «дрейф» с классических либеральных на правоконсервативные позиции, находящиеся за гранью «системной правой»²⁵. Для подобной «политической трансформации» существовали определенные культурные и идеологические предпосылки.

При коммунизме, как считалось, упоминавшаяся культура «общества джентри» с присущими ей авторитарно-имперским и государственно-корпоративным духом была преодолена. В «переходной фазе» 1988—1990 годов она воплотилась в мировоззрении Й. Анталла. В свою очередь, у В. Орбана она заимствовала форму «постмодернистского симулякра». В конечном итоге «Фидес» предложила венгерскому избирателю, «интегративный» политический проект, соединяющий идеи «великовенгерской геополитики» с принципиально новой моделью политической системы, призванной объединить всех венгров независимо от места проживания и защитить их интересы. Одной из идеологов «обновленного» «Фидес» стал модифицированный проект «Великая Венгрия».

Перед выборами 1998 года В. Орбан изменил структуру гражданского ла-

²³ См. **M. Vass**. Projecting Stability: Hungary's Role in Central and Southeastern Europe. — «The International Spectator». 2002. № 1. P. 89.

²⁴ Союз молодых демократов — Венгерская гражданская партия: *венгер.* «Fidesz — MPP», аббревиатура от *Fiatal Demokraták Szövetsége* и *Magyar Polgári Párt*.

²⁵ См. **P. Hockenos**. Central Europe's rightward slide. — «Global Post». 16.04.2010.

геря, сделав ставку на «национал-патриотический популизм». Орбан и его партия критиковали находившееся в то время у власти социалистическое правительство за пренебрежение национальным вопросом, чрезмерные уступки МВФ, Мировому банку и ЕС и требовали последовательной защиты интересов венгерских национальных меньшинств за пределами границ Венгрии. Кредо партии отныне звучало так: «Мечты одних поколений часто исполняются последующими». Таким образом, «молодые демократы» в рамках «народническо-национальной» традиции стремились предстать перед избирателями и партнерами как «защитники интересов венгерской нации» в неопопулистском духе. Следуя этой линии, Орбан повторил «клятву» Анталла стать «премьер-министром 15 миллионов венгров». В итоге в 1998 году он сумел возглавить правительство, уступив пост в 2002 году и проиграв вместе со своей партией выборы 2006 года. Однако впереди Orbana ждал политический триумф.

В апреле 2010 года «Фидес» получила на парламентских выборах 53 процента голосов и завоевала все прямые мандаты. На долю праворадикальной партии «Йоббик» («Движение за лучшую Венгрию») пришлось 17 процентов голосов. Это обеспечило 68 процентов мест (263) для «Фидес» и 12 процентов для «Йоббик», вместе составив 80 процентов. В. Орбан сформировал в парламенте большинство в две трети голосов, что позволяло начать масштабные преобразования. В течение двух лет стали видны последствия этого выбора. В апреле 2011 года была принята новая Конституция, которая вступила в силу с 1 января 2012 года, вызвав недовольство европейских чиновников, а также либеральных и левых политиков. В преамбуле к Конституции говорит-

ся о преемственности современной Венгрии средневековому государству мадьяр, которое по площади превосходило сегодняшнюю Венгрию в два-три раза и включало в себя всю территорию Словакии, украинское Закарпатье, сербскую Воеводину, почти всю Хорватию, часть Австрии и Словении, а также половину Румынии. Провозглашались «ответственность за всех венгров» (даже проживающих за пределами страны), принцип нации, основанной тысячу лет назад «святым королем Стефаном», и приверженность христианству. Одновременно подтверждается правопреемственность с хортистской Венгрией и отрицается «историческая связь» с ВНР. «Государственное самоопределение» было объявлено прерванным в марте 1944 года вместе с немецкой оккупацией и восстановленным с момента первых свободных выборов народных представителей 2 мая 1990 года.

Таким образом, В. Орбан заявил о себе как о приверженце политических традиций, восходящих ко временам М. Хорти. Конституционные изменения вызвали широкий общественно-политический резонанс. Венгерские эксперты А. Фрейберг-Инани и М. Варга оценили преамбулу нового венгерского Основного закона как «неофашистскую»²⁶.

Свое видение «традиционных ценностей» Орбан попытался донести до остальной Европы. Так, выступая в Европарламенте, премьер-министр Венгрии напомнил, что Европа стала Европой, объединяясь вокруг христианских ценностей, которые были затем «забыты». Сам В. Орбан видит свою миссию в том, чтобы, напомнив «постхристианской» Европе о ее

²⁶ См. А. Freyberg-Inani, M. Varga. Ungarn nach der Wahl-Demokratie unter Drück. — «Berliner Debatte Initial». 2011. №. 3. S. 122.

культурно-исторических корнях, сохранить самобытность венгерского народа²⁷. Это вызвало мощную отповедь со стороны лидера европейской «партии зеленых» Д. Кон-Бендита, но не ослабило решимости Будапешта отстаивать собственный подход и позицию в рамках европейской политики.

Практически сразу после прихода к власти В. Орбан и доминирующая в парламенте «Фидес» предприняли определенные практические шаги по реализации проекта «Великая Венгрия». Сам Орбан надеялся, что программа укрепления этнических границ вокруг Венгрии должна охватить 5 миллионов венгров за пределами страны. 18 ноября 2010 года в венгерском парламенте состоялось открытое заседание специальной парламентской комиссии по иностранным делам, посвященное обсуждению проблем венгерских национальных меньшинств. На нем государственный секретарь по иностранным делам Ж. Немет заявил о необходимости автономий для венгров Трансильвании, Словакии, Сербии и Украины. 1 января 2011 года в Венгрии вступило в действие новое законодательство о предоставлении второго, венгерского, гражданства, существенно упрощающее процедуру получения гражданства этой страны представителям диаспоры. Как полагают восточноевропейские эксперты, заявляя подобные претензии, Венгрия стремится стать региональным лидером не только в Карпатском регионе, но и вообще в Центральной Европе. В разработанной национальной идее — модернизированной версии проекта «Великая Венгрия» — рассматривается распространение ее влияния на регионы, где компактно проживают представители венгер-

ской диаспоры: Южную Словакию, Трансильванию (Румыния), Воеводину (Сербия) и Закарпатскую область.

Реализация масштабных политических проектов В. Орбана пока далека от завершения. Она сдерживается как противодействием ЕС, так и очевидной экономической слабостью переживающей кризис Венгрии. Надежды Будапешта на успех заявленных планов в значительной мере связываются с поддержкой Вашингтона, что способно лишь усилить напряжение в его отношениях не только с соседними странами, но и с официальным Брюсселем. Не следует сбрасывать со счетов либеральную и левую оппозицию внутри самой Венгрии, также не приемлющих план Орбана.

КОНСТРУКТИВНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Что же является конструктивной альтернативой для Восточной Европы исходя из особенностей ее собственного «месторазвития»? В свое время Д. де Ружмон рассматривал в качестве возможных альтернатив политического самоопределения для народов и стран Европы (включая ее восточную часть) индивидуалистическую, национально-государственную и регионалистскую модели²⁸.

Развивая свою идею, Д. де Ружмон говорит о возможности формирования «плюралистической идентичности» для граждан будущей «объединенной Европы»: патриотической, национальной, культурный и универсальной²⁹. Патриотическая вер-

²⁷ См. И. Игнатченко. «Уго Чавес Европы». — «Киевский телеграф». 24.05.2012.

²⁸ См. D. de Rougemont. Pour une Metropole regional. Neuchatel, 1963. P. 22.

²⁹ См. D. de Rougemont. La Region n'est pas un mini-Etat-Nation. L'Europe des Regions 2. — «Bulletin du Centre européen de la culture». 1969—1970. №. 5—6. P. 3.

ность (в случае самого де Ружмона) проявилась по отношению к его родному кантону Невшатель; национальная — по отношению к Швейцарской Конфедерации; культурная — по отношению к франкофонному миру; универсальная — по отношению к протестантизму — религии, принадлежности к которой он чувствовал.

Сегодня граждане стран ЕС имеют возможность выразить свое мнение путем подачи голосов на четырех уровнях: локальном (коммуны, муниципалитеты); региональном; национально-государственном; на уровне Евросоюза. На «пересечении» трех основных «координат» — культуры, политики и экономики — формируется сегодня главным образом общеевропейская идентичность. При этом возможны три основных варианта «модели существования» и «базовой идентичности» для европейцев: государственно-центричная модель; модель, исходящая из интересов отдельных личностей; «модель регионов», которая постепенно утверждается в странах Западной Европы³⁰.

Какой же выбор предстоит сделать в этом контексте Восточной Европе? Как представляется, странам ЦВЕ следовало бы отказаться от неконструктивных форм «евроскептицизма» и «политической идентичности», заявив конструктивную альтернативу современной модели евроинтеграции, обнаруживающей свой кризис.

В этом контексте, очевидно, необходимо было бы вернуться к истолкованной в новом ключе концепции «больших пространств», которая оказалась в значительной степени дискредитированной из-за одностороннего характера ее изначального толкования. В то же время, как представляется, возможно и иное, плюралистическое прочтение этой доктрины, рассматривающее «большие пространства» как добровольное и естественное объединение народов и стран в единые культурные, экономические и политические сообщества на основе существующих многовековых связей. Именно такое «большое

Какой же выбор предстоит сделать Восточной Европе? Как представляется, странам ЦВЕ следовало бы отказаться от неконструктивных форм «евроскептицизма» и «политической идентичности», заявив конструктивную альтернативу современной модели евроинтеграции, обнаруживающей свой кризис.

пространство» на основе принципов равноправия конституирующих субъектов и модели «многоуровневой идентичности» и могут попытаться создать сегодня страны Восточной Европы. Это стало бы достойным ответом на вызовы «евроскептицизма», демодернизации, национализма и изоляционизма³¹, позволив странам

³⁰ См. S. Petschen. Nationalismus und das Europa der Regionen. — «Weltrends». 1994. №. 4. S. 123.

³¹ См. S. Riedel. EU-Minderheitspolitik als Instrument der Integration. — «Osteuropa». 2002. №. 4.

ЦВЕ выйти из состояния «бессубъектности» и превратиться в своеобразный «геополитический мост», связывающий Восток и Запад. Таким образом, ЦВЕ не только перестанет позиционировать себя как некая «периферия» или «антипод» «Большой Европы», но и сможет осознать и реализовать себя как полноценный геополитический макрорегион, являющийся неотъемлемой частью общеевропейского цивилизационного пространства.

Новая позитивная модель геополитики для Восточной Европы, на наш взгляд, могла бы опереться на следующие основные принципы:

- отказ от изоляционизма и теории «самодостаточных малых наций»;

- отказ от национализма и конфликтогенных «малых имперских проектов», от создания замкнутых «геополитических» и «геоэкономических» пространств;

- отказ от германофобии и русофобии;

- замена изоляционистского «антиевропеизма» конструктивным «альтеревропеизмом».

Многое будет зависеть и от позиции стран Старой Европы, взявших сегодня на себя ответственность за дальнейшую судьбу «общеевропейского проекта», — прежде всего Германии и Франции. И в первую очередь — от их способности найти новые ценностные основания для общеевропейского проекта, предло-

жить и сформировать новые политические и социально-экономические механизмы недискриминационного характера, которые сделали бы реинтеграцию восточноевропейских стран в общеевропейское политическое, правовое и культурное пространство естественной и менее конфликтной. Для этого, на наш взгляд, необходима «консервативная рефлексия» со стороны элит стран Западной Европы, способная обеспечить «ценностное» и политическое наполнение будущего европейского единства, не сводя его только к социально-экономическим и «техническим» проблемам. В свою очередь необходимо, как представляется, возврат на современном этапе к понимаемой в современном ключе модели «Европы ста государств и ста флагов», то есть союза, разделяющего общие ценности и уважающего суверенитет отдельных национальных государств. Заявившая сегодня о себе «восточноевропейская идентичность», по-видимому, должна быть переосмыслена именно как составная часть идентичности общеевропейской, что невозможно, на наш взгляд, без диалога элит Старой и Новой Европы, без нового осмысления общеевропейских ценностей. Без этого в конечном итоге едва ли будут успешными любые общеевропейские экономические и политические проекты, равно как и преодоление «системного кризиса», который переживает сегодня Объединенная Европа. ◆